

ДОНСКАЯ ЛЬТОПИСЬ

Сборникъ матерьяловъ по новѣйшей исторіи
Донского Казачества
со времени Русской революціи 1917 года

... За честь отчизны, за казачье имя
кипитъ, волнуется, шумитъ съдой
нашъ Донъ — Родимый Край ...

Ф. КРЮКОВЪ.

1923 г.

№ 2

Издание
ДОНСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ
КОМИССИИ

ОТЪ ДОНСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ КОМИССІИ.

Въ октябрѣ с. г. вышелъ сборникъ N 1 «Донской Лѣтописи». Этимъ положено начало изданію матеріаловъ, собираемыхъ Донской Исторической Комиссіей.

Работа Комиссіи протекаетъ не въ нормальныхъ условіяхъ: лица, обладающіе матеріалами или документами, разбросаны по всеѣмъ государствамъ Европы, и требуется много времени, чтобы установить съ ними связь; большинство лицъ, могущихъ дать интересныя воспоминанія, вынуждены ежедневнымъ трудомъ зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба и живутъ въ обстановкѣ, мало пригодной для литературныхъ занятій; матеріалы получаютъ случайно и заданія Комиссіи не выполняются къ сроку.

Вслѣдствіи этого планъ, разработанный Комиссіей по изданію сборниковъ, приходится выполнять съ значительными отступленіями.

Комиссія предполагаетъ въ каждомъ сборникѣ сообщать матеріалъ, охватывающій опредѣленный періодъ времени, при чемъ вопросамъ, имѣющимъ современное значеніе, также отводится мѣсто на страницахъ сборниковъ.

Комиссія считаетъ, что матеріалъ, даваемый ею, представляетъ интересъ не только для Дона и казачества, но и для всякаго русскаго человѣка. Войсковой Кругъ, выборный Атаманъ и борьба съ большевиками представляютъ основныя явленія исторіи казачества со времени революціи 1917 г. Въ N 1 «Донской Лѣтописи» дается матеріалъ, характеризующій главныхъ дѣятелей переживаемаго времени — Атамана А. М. Каледина и его помощника М. П. Богаевского, дается работа о Войсковомъ Кругѣ, представляющая первый опытъ историческаго изученія и обработки темы, больше всего интересующей и захватывающей казаковъ, и сообщается краткій и сжатый очеркъ борьбы Донскаго казачества съ большевиками; краткія статьи посвящены организаціи Объединеннаго Совѣта Дона, Кубани и Терека и Комитета экономическаго возрожденія Юго-Востока Россіи.

Настоящій Сборникъ N 2 предлагаетъ матеріалы, связанные съ началомъ революціи на Донѣ и личностями двухъ первыхъ атамановъ — А. М. Каледина и А. М. Назарова.

Статьи касаются революціонныхъ настроеній среди казаковъ на фронтѣ и дома; воспроизводятъ наиболѣе характерныя черты того времени, опыты организациі революціонной власти, обстановку, въ которой приходилось ей дѣйствовать; первые шаги по организациі казачества на Дону (Войсковой Съѣздъ и первый Войсковой Кругъ) и попытки его сговориться съ крестьянами въ дѣлѣ организациі общей власти (паритетъ).

Идея объединенія казачества выражена статьями о Союзѣ казачьихъ войскъ, Юго-Восточномъ Союзѣ въ 1917 г. и Объединенномъ Совѣтѣ Дона, Кубани и Текека.

Экономическимъ ресурсамъ Юго-Востока и значенію его для русскаго и иностраннаго капиталовъ посвящена особая статья.

Тема о централизмѣ и автономіи, составляющая содержаніе особой статьи, представляетъ большое значеніе въ дѣлѣ строительства новой Россіи.

Посильно выполняя принятую на себя задачу, Комиссія считаетъ долгомъ выразить ей глубокую признательность всѣмъ, откликнувшимся на ея призывъ, и обращается съ просьбой ко всѣмъ Донцамъ, казакамъ и уроженцамъ другихъ войскъ и къ русскимъ дѣятелямъ, связаннымъ съ Юго-Востокомъ, помочь ей своими трудами въ дѣлѣ освѣщенія жизни родного края и общей матери — родины Россіи.

Комиссія.

РЕВОЛЮЦІЯ И ДОНСКІЕ КАЗАКИ.

(Историческій очеркъ.)

Глава I.

Донцы въ дни революціи на фронтѣ.

I.

„Мы желаемъ дышать свободно... Жить и чувствовать, какъ чувствовали и жили наши предки — давшіе Россіи Сибирь, Азовъ... Ермака Тимофеевича, Краснощекова, Платова, Бакланова... Создавшіе неприступные валы казачьей крѣпости, ограждавшіе Русь отъ вражескихъ ударовъ... Казачій разумъ, кованный вѣками, выведетъ казачество на вѣрный путь. И будетъ Россія, но будетъ въ Россіи и казачество, а не Петербургская вотчина безъ права и лица.“

(Изъ рѣчи погибшаго подесаула В. В. Пузанова на Войсковомъ Кругѣ).

II.

„Кто говоритъ, что мы опричники — лжетъ... Но кто хочетъ казаковъ втиснуть въ социалистическія оглобли и накинута партійный хомутъ — тотъ жестоко ошибется... Казачество — внѣ партій, и въ этомъ его сила...“

(Изъ рѣчи М. П. Богаевского — на Большомъ Войсковомъ Кругѣ.)

I.

Революціонный переворотъ въ каждой казачьей части на фронтѣ былъ встрѣченъ съ тѣми или другими отбѣнками переживаній.

Въ каждой части «сверженіе Монархіи» переваривалось по своему, а затѣмъ — нервы успокоились, и наступили революціонные будни...

Каждая казачья часть имѣла въ эти дни свою революціонную «быль», незначительные эпизоды, увлеченія, ошибки, моменты революціоннаго угара или разочарованія.

Цѣль настоящаго очерка — не «сказанье о дняхъ былыхъ» каждой отдѣльной части, а суммированный выводъ общаго итога настроеній по отношенію революцію и ея послѣдствій...

Къ моменту революціи на театрѣ военныхъ дѣйствій донскихъ казачьихъ частей было: 60 конныхъ полковъ (изъ нихъ два гвардейскихъ), 23 конныхъ батареи (одна гвардейская), одна пѣшая бригада и болѣе 100 «отдѣльныхъ» и «особыхъ» сотенъ.

Въ первые моменты по полученіи телеграммы объ отреченіи Государя Императора Николая II и передачи Престола Вел. Князю Михаилу Александровичу, — въ казачьихъ частяхъ чувствовалась нѣкоторая растерянность. . . Волновали вопросы, что будетъ дальше и какъ, при какихъ обстоятельствахъ произошло отреченіе . . . О событіяхъ въ Петроградѣ, переговорахъ Ставки съ Предсѣдателемъ Государственной Думы Родзянко — никто ничего не зналъ . . . Разговоровъ было много, предположеній еще болѣе . . . Притихли офицеры . . . Изъ тыла быстро проскочила телеграмма Бубликова, призывающая къ спокойствію и выполненію долга передъ Родиной и [Временнымъ Правительствомъ . . . Телеграмма] окончательно запутала положеніе. Кто такой Бубликовъ и почему онъ «призываетъ» къ «порядку», когда Престоль переданъ Вел. Князю Михаилу Александровичу — никто объяснить не могъ . . .

Не успѣли разобраться, какъ пришло извѣщеніе объ отказѣ Вел. Князя вступить на Престоль . . . На фронтѣ впервые заговорили о «республикѣ» . . .

Быстрая смѣна событій . . . До казачьихъ частей дошли кой-какія свѣдѣнія. Эти свѣдѣнія, не совсѣмъ соотвѣтствующія дѣйствительности, — заставили считаться съ совершившимся фактомъ переворота . . .

Отреченіе Государя — опредѣлялось казаками, какъ свободное волеизъявленіе Царя, хотя и подъ давленіемъ Государственной Думы.

«Значитъ, такъ нужно» — рѣшили казаки — «тамъ знаютъ, что дѣлать» . . .

И страннымъ казалось, что въ эти историческія минуты о Царскомъ отреченіи говорилось мимоходомъ, безъ малѣйшаго интереса къ личности и судьбѣ Монарха.

Разговоры объ Учредительномъ Собраніи, о «волеизъявленіи народа» и о Временномъ Правительствѣ — ступевали и сдѣлали незамѣтнымъ послѣдній историческій жестъ Династіи — отказъ Великаго Князя отъ Престола . . . въ казачьихъ частяхъ наступило дѣловито-спокойное настроеніе . . . Казаки начали разсѣивать случившееся, разсуждать о настоящемъ, прикидывать будущее . . . Офицерскій составъ старался подойти къ казакамъ, какъ можно ближе . . .

Казаки закидывали офицеровъ вопросами объ Учредительномъ Собраніи, о Временномъ Правительствѣ . . .

«Значитъ Наказныхъ Атамановъ болѣе не будетъ . . . А что тамъ у насъ на Дону дѣлается . . . Организуются станицы или нѣтъ?» — спрашивали казаки . . .

И общій выводъ былъ: «Казакамъ хуже не будетъ» . . .

Исторія дѣлала свое дѣло . . .

Съ Дона вѣстей не было . . . Стали выбирать въ «комитеты». Разростались революціонныя настроенія . . . Кое-гдѣ волна «свободы» — захлестнула и казачьи части. Появились красные банты... но быстро и исчезли.

Въ нѣкоторыхъ частяхъ митинговали и, въ повышенномъ настроеніи — нелюбимымъ офицерамъ, разиѣнваемымъ какъ придирчиво-строгимъ, выразивъ «недовѣріе», предложили удалиться изъ части. Этой же участи подверглись и тѣ офицеры, кто по мнѣнію казаковъ — «не соблюдалъ казачью копѣйку . . .»

Дни проходили минутами и также быстро развертывались событія . . .

Появился не имѣющій никакихъ оправданій для авторовъ приказъ N 1-й. «Декларация» правъ солдата вскружила голову и казакамъ. Нѣкоторымъ командирамъ частей было выражено «недовѣріе» и вмѣсто удаленныхъ были выбраны новые. Этотъ послѣдній актъ былъ на всѣ донскіе полки рѣдкимъ исключеніемъ.

Приказъ N 1-й и въ казачьихъ частяхъ произвелъ надломъ дисциплины. Появилась неказачья расхлябанность, неряшливое отданіе чести, но въ общемъ общій воинскій порядокъ не нарушался . . . И несмотря на сумбурное время, казаки свою связь съ офицерами не прерывали и въ офицерскихъ разъясненіяхъ искали откликъ своимъ переживаніямъ и «революціоннымъ» сомнѣніямъ . . .

Офицерскій составъ, энергично работая, постепенно овладѣвалъ революціоннымъ положеніемъ . . . Почти во всѣхъ частяхъ офицеры были избраны предсѣдателями полковыхъ и дивизионныхъ комитетовъ. Растерянности среди офицеровъ не было и въ противоположность офицерскому составу армейскихъ пѣхотныхъ частей, казачьи офицеры не уходили отъ массъ, не прятались въ собственную скорлупу разочарованій и сомнѣній, а вплотную подошли къ казакамъ, стараясь гдѣ сгладить революціонныя вспышки, а гдѣ и предотвратить первые симптомы возможнаго разложенія. Донскіе офицеры въ эти дни вписали въ исторію гибели русскаго государства красочную страницу исполненія долга и самоотверженности. И, дѣйствительно, стоило только среди казаковъ появиться кому-либо изъ профессиональныхъ агитаторовъ «Совѣта солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ», или агитатору со специфическимъ социалистическимъ направленіемъ, какъ неизмѣнно со стороны офицеровъ онъ встрѣчалъ горячаго противника и, благодаря остроумно задаваемымъ вопросамъ — въ области казачьяго быта — подъ хохотъ казаковъ, долженъ былъ быстро испаряться съ митинговаго поля.

Эта сомкнутость казачьихъ частей естественно не ускользнула отъ вниманія «партийныхъ дѣятелей». И всѣ усилія агитаторовъ были направлены къ тому, чтобы въ первую очередь подорвать довѣріе казаковъ къ своимъ офицерамъ и подчинить казачью массу своему вліянію.

Какіе только приемы не пускались въ ходъ, но къ чести казаковъ, эта агитация успѣха не имѣла.

Революційныя настроєнія въ арміи сгущались. Приказъ № 1-й — дѣлалъ свое дѣло... Начались глумленія, издѣвательства и грубыя насилія надъ офицерствомъ. Въ казачьихъ частяхъ въ этотъ періодъ — было спокойно. Казаки часто громко осуждали пѣхоту и, видя начинавшееся разложєніе, выказывали явное презрѣніе къ потерявшей голову солдатской толпѣ. И въ казачьихъ частяхъ въ дни офицерской травли съ подчеркнутымъ вниманіемъ относились къ своимъ офицерамъ.

Среди нагромождавшихся событій — въ арміи и внѣ ея — съ Дона пришли первыя свѣдѣнія о происшедшемъ въ Новочеркасскѣ.

Организованный на Дону «Донской Областной Исполнительный Комитетъ», разсматривался казаками какъ армейскій, фронтовой комитетъ. Интересовались почему «Областной», а не «Войсковой», но не сомнѣвались, что вся власть на Дону принадлежитъ «выборному» временному Атаману Войск. Старшинѣ Волошинову. Заинтересовались и личностью Волошинова. Разспрашивали о его служебномъ стажѣ, какой станицы и т. д. Но о новомъ Вр. Атаманѣ никто положительныхъ свѣдѣній въ полкахъ не имѣлъ. Было ясно, что Волошиновъ среди казаковъ атаманскимъ авторитетомъ пользоваться не будетъ, а когда отъ «батарейцевъ» начали въ полки проникать кой-какія свѣдѣнія о его стажѣ, а затѣмъ и данныя о томъ, что въ выборѣ Вр. Войскового Атамана станицы не участвовали — наступило разочарованіе.

«Это не порядокъ» — говорили казаки — «все Войско должно было выбирать. Неужели боевого генерала на все Войско не нашли. Кто онъ, чей — никто не знаетъ. Какой онъ Атаманъ...»

Желаніе видѣть во главѣ Войска «боевого генерала», довольно ярко выявило міросозерцаніе казаковъ и ихъ отношеніе и уваженіе къ своимъ боевымъ вождямъ.

Разочарованіе «атаманскимъ вопросомъ» — скрасило извѣстіе о созывѣ на 16 апрѣля Войскового Съѣзда. Настроєніе поднялось.

Съ первыми митинговыми криками: «безъ аннексій и контрибуцій», «долой войну», и все усиливавшейся большевической агитаціей представителей «Совѣта солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ» — положеніе казачьихъ частей становилось съ каждымъ днемъ все затруднительнѣе.

На казачьи части было обращено особенное вниманіе «Совѣта солдат. и рабоч. депутатовъ». Одновременно съ усиленіемъ социалистическаго натиска, съ цѣлью избавленія казаковъ отъ офицерскаго вліянія и «ударныхъ выступленій» большевическихъ агитаторовъ, стремившихся во что бы то ни стало разложить «стойкія части арміи» — шла работа по натравливанію солдатскихъ массъ на казаковъ, какъ на послѣднюю крѣпость «буржуазіи и контръ-революціи».

Казаки чувствовали себя затерянными островками среди разбушевавшихся страстей революціонной черни.

Особенно въ тяжеломъ положеніи очутились полки, выполнявшіе назначеніе корпусной и дивизионной конницы, но еще тяжелѣе

было разбросаннымъ по всему фронту «отдѣльнымъ и особымъ сотнямъ» и незначительнымъ по своему составу конвоямъ при штабахъ армейскихъ корпусовъ и дивизій. Казачьи части, отданныя въ разпоряженіе пѣхоты, кромѣ службы охраны, связи и развѣдки — получали назначеніе нести еще и службу по борьбѣ съ дезертирствомъ. Это послѣднее назначеніе еще до революціи возстановило до нѣкоторой степени солдатъ противъ казаковъ. Усилившаяся же «борьба съ дезертирствомъ» послѣ переворота и участіе въ ней нѣкоторыхъ казачьихъ частей, послужили особенно для большевиковъ благодатной почвой для разжиганія страстей.

Казачьи дивизіи чувствовали себя болѣе обеспеченными отъ всякихъ случайностей и въ отношеніи «дивизій» — солдаты держали себя сдержанно-осторожно.

Подогрѣтые агитаціей, бывшіе солдаты великой русской арміи со злобой косились на казаковъ . . . И только животный страхъ сдерживалъ ихъ отъ выступленія съ оружіемъ въ рукахъ противъ казачьихъ частей . . . Все чаще по адресу казаковъ раздавались угрозы и упреки въ поддержкѣ не существующей «контръ-революціи» и «чаяній буржуазіи». Не былъ оставленъ въ покоѣ и казачій земельный вопросъ.

«Подождите, доберемся и до вашей земли. Довольно попартовали», — злобно бросали солдаты казакамъ . . .

Въ этой сгущенной атмосферѣ угрозъ, демагогіи и злобы, въ душѣ у «фронтовиковъ» впервые пошатнулось довѣріе къ своимъ офицерамъ и закопошилась мысль найти такъ или иначе выходъ изъ создавагося положенія. Возникли первыя сомнѣнія въ правѣ казачьяго самоопредѣленія, — въ законности съ революціонной точки зрѣнія казачьяго объединенія, самоорганизации. Упреки въ участіи казаковъ въ «подавленіи безпорядковъ» въ 1905—1906 году били казаковъ по самому больному мѣсту ихъ воспоминаній.

Въ казачьихъ частяхъ возникла трагедія переживаній въ поискахъ правды, образовалась первая брешь въ казачьей идеологіи. И въ связи съ этимъ, появилось стремленіе доказать «революціонной демократіи», что они «фронтовики» всецѣло съ революціей противъ какой-либо буржуазіи и готовы во имя приобщенія къ «демократіи» — безпощадно перевернуть весь свой казачій бытъ, все свои обычаи и традиціи. И среди казаковъ появились свои собственные социалисты — отдѣльныя группы, правда незначительныя, съ явнымъ уклономъ въ сторону социализма; и въ разныхъ углахъ фронта изъ казачьихъ частей на арену политическихъ страстей — вышли политическіе авантюристы: В. Ст. Мироновъ, В. Ст. Гнилорыбовъ, сотн. Смирновъ, сотн. Поповъ, сотн. Рожковъ, сотн. Запорожцевъ, Есаулъ Голубовъ, хор. Лапинъ, хор. Клунниковъ, прапорщики: Автономовъ, Мамоновъ, Кривошлыковъ, казаки: Подтелковъ, Скачковъ, Лагутинъ, Головачевъ, Воронковъ, Ковалевъ и др. — Они мутили казачью массу, смущали казачью душу. Ихъ преступная дѣятельность дорого обошлась Донскому казачеству. Изъ всѣхъ этихъ авантюристовъ въ настоящее время уцѣлѣли: Гнилорыбовъ, Мироновъ и Кова-

левъ, — остальныхъ покаралъ законъ возмездія и народный гнѣвъ въ дни отрезвленія «фронтвиковъ», и только хор. Лапинъ въ слободѣ Михайловкѣ въ періодъ раскаянія погибъ отъ руки большевически настроенныхъ крестьянъ, среди которыхъ онъ пользовался въ дни Калединской борьбы популярностью.

Тревожно было въ казачьихъ частяхъ, тревожно было и на душѣ казака. Но несмотря на всѣ переживанія, здоровое начало казачьяго чутья побѣдило и большинство казаковъ остались вѣрными законности, порядку и своей казачьей идеологіи.

Въ это тревожное время весьма значительную роль въ казачьемъ успокоеніи сыграла дѣятельность организованнаго въ Петроградѣ «Союза всѣхъ казачьихъ войскъ», подъ предѣлательствомъ энергичнаго и далеко незауряднаго полковника Оренбургскаго войска А. И. Дутова, а затѣмъ и голосъ «общеказачьяго съѣзда» подъ предѣлательствомъ М. П. Богаевского, созваннаго въ концѣ марта мѣсяца въ Петроградѣ.

Воззванія Союза и рѣшительныя его дѣйствія имѣли значеніе и въ казачье-солдатскихъ взаимоотношеніяхъ и они заставили солдатскую массу считаться съ казаками.

Солдаты злобно, но уже приниженно говорили: «казаковъ такъ просто не возьмешь . . .»

Постепенно началъ появлять себя и «казачій союзъ», организованный въ «Особой Арміи» подъ предѣлательствомъ подьесаула Л. Гв. Казачьяго полка Черемшанскаго. Цѣль Союза, главнымъ образомъ, была парализовать социалистическую и большевическую агитацію и сплоченнымъ казачьимъ фронтомъ отражать всѣ натиски на казачество и удержать казаковъ отъ разложенія. Одновременно съ развитіемъ дѣятельности «союзовъ» въ казачьи части стали поступать воззванія и свѣдѣнія о работахъ «казачьяго союза», организованнаго въ Новочеркасскѣ. Казаки почувствовали подъ ногами почву. Первые ячейки казачьяго сплоченія создали равновѣсіе казачьяго большинства, вселили казакамъ увѣренность, что казаки выберутся такъ или иначе изъ омута революціонныхъ настроеній и противорѣчій. Даже въ малочисленныхъ казачьихъ частяхъ, разбросанныхъ среди пѣхоты наступило болѣе бодрое настроеніе.

Прошелъ мартъ мѣсяцъ. 16-го апрѣля въ Новочеркасскѣ былъ созванъ Войсковой Съѣздъ. Отъ В. Съѣзда ожидали многого, а главное передъ съѣздомъ была увѣренность, что на съѣздѣ примутъ участіе и представители фронта, но приглашенія не послѣдовало. Этимъ обстоятельствомъ сейчасъ же воспользовались свои и чужіе агитаторы. Они говорили казакамъ:

«Съ вами на Дону и не считаются. Старики да ваша буржуазія гнутъ свою линію. Они будутъ рѣшать, а вамъ предоставятъ право подчиниться. Это не Съѣздъ свободной демократіи, а буржуазная затѣя съ цѣлью обвести васъ вокругъ пальца . . .»

Хмурились казаки . . . Войсковой Съѣздъ въ ихъ глазахъ потерялъ цѣну. Агитація дѣлала свое дѣло. Она бросила первую искру будущаго раздора между «фронтвиками» и стариками, дала